

Едва Цзиньивэй приступили к делу и даже еще не добрались до нее, как Цуй Цюэ торопливо написал разводную, желая прогнать ее. Но даже будучи отвергнутой, она смогла бы жить на свое приданое, а Цуй Хэн по-прежнему остался бы сыном чиновника, способным учиться, сдавать кэцзюй и даже поступить в Гоцзыцзянь... Пусть его репутация немного пострадала бы, это все же лучше, чем лишиться отца-чиновника и превратиться в простолюдина. Госпожа Сюй, сгораемая материнской любовью и переживая за сына всей душой, сжала зубы и взяла всю вину на себя.

Се Ин принял ее признание, а затем велел доставить в Северную Чжэньфуся и допросить ее доверенную служанку, матушку Ди, вместе с мужем, а также всех управляющих усадьбы Цуй, как внутренних, так и внешних. В итоге удалось полностью восстановить истинную картину преступления:

Вторая жена ланчжуна бюро Юньнань Министерства финансов Цуй Цюэ, госпожа Сюй, позарившись на приданое первой супруги, вспылала гневом и ненавистью к пасынку за то, что тот пожертвовал одну из книжных лавок под библиотеку в своем родном уезде Цяньань. Ее еще больше отравила зависть к местному начальнику уезда Ци, продвинувшемуся по службе благодаря этой библиотеке. Из-за этого она тайком подослала слуг подкупить столичных мошенников, чтобы те подали ложный донос, обвинив начальника уезда Ци в вымогательстве имущества у подчиненного ему народа.

Согласно закону, за свои деяния госпожа Сюй подлежала ответственности по двум статьям: «подача анонимного доноса» и «клевета». По своду законов Мин, при совершении двух преступлений одновременно наказание назначается по более тяжкому: подача анонимного доноса карается смертной казнью через повешение, а за клевету полагается сто ударов палками и ссылка на три тысячи ли. Хотя госпожа Сюй и была лишена титула гаомин, она все еще оставалась женой чиновника. Если бы император даровал милость откупиться от наказания медью, то отмена смертной казни обошлась бы в сорок две связки монет, а ссылки — в тридцать шесть связок, что по рыночному курсу составляло в общей сложности сто тридцать лянов серебра.

Ее муж, Цуй Цюэ, узнав о произошедшем, намеревался развестись с госпожой Сюй, однако, поскольку случай не подпадал под правила «семи причин для развода» и «расторжения брака из-за вражды», префект Шуньтяньфу еще не дал разрешения на развод. Таким образом, хотя Цуй Цюэ и не заявил сам о преступлении госпожи Сюй, согласно правилу «родственники могут укрывать друг друга», он не подлежал наказанию.

Когда докладная записка была подана государю, весь двор пришел в потрясение.

Громкое дело, начавшееся с доклада цензора перед императором, последовавшего расследования цензора в уезде и обысков Цзиньивэй, перерывших всю столицу вдоль и поперек... оказалось не борьбой придворных фракций и не расправой тайной службы над верными слугами, а сутяжничеством, устроенным запертой во внутренних покоях женщиной из-за ничтожной усадьбы ценой в две-три сотни лянов!

Подобная дерзость и бесчинство глупой женщины выходили за все рамки!

Едва весть докатилась до Дучаюань, Лю Цзань в гневе стукнул по столу и воскликнул:

— Я так и знал! Если бы та нечестивая женщина намеренно не приказала своему брату сбить с пути истинного сына первой жены, разве стал бы Цуй Се шэньюанем только сейчас?!

Ему безудержно хотелось тотчас взяться за кисть и написать письмо Дай Жэню, ведавшему

просвещением в Бэйчжили, попросив того присмотреть в Юнпине за этим достойным сострадания переросшим вундеркиндом. В то же время он вспомнил, что следовало бы подать доклад об испорченности нравов брата госпожи Сюй, цзюйжэня Сюя, и его непригодности к государственной службе. Поколебавшись немного, Лю Цзань решил, что личные чувства следует отложить на потом: ради блага народа Цишуй надо сперва добиться отстранения цзюйжэня Сюя от должности начальника уезда.

Письмо с просьбой позаботиться о Цуй Се так и не было написано, поскольку письмо от самого Дай Жэня пришло в столицу раньше. В нем он с гордостью сообщал своему земляку, Сюй Цзе: «Проводя испытания туншэнов в Юнпине, я обрел подлинный талант».

Этим талантом оказался испытатель из уезда Цяньань по имени Цуй Се.

Сюй Цзе сунул письмо Лю Цзаню и хмыкнул:

— Вот, твой цяньаньский вундеркинд уже сдал на шэньюаня. Теперь-то ты успокоился?

Лю Цзань сжал губы и со всей серьезностью ответил:

— С чего бы ему быть «моим» вундеркиндом? Я всего лишь берегу таланты для двора.

Хотя он так сказал, все же развернул письмо и прочитал его самым внимательным образом. Дай Жэнь писал, что, когда он только прибыл в Юнпинскую управу для проведения экзаменов, произошла небольшая заминка...

Он прибыл в Юнпин инкогнито, не предупредив местных чиновников, чтобы те встречали его за городом. Посему, объявив о своем чине у ворот управы, он обнаружил, что префекта, тоньчжи, а также профессора и наставников управы не оказалось на месте. Его встретил лишь делопроизводитель Сун Цзи с чиновниками по поручениям, регистраторами и тюремными смотрителями.

Он немало удивился и спросил:

— Неужто у вас в управе шэньюани устроили беспорядки? С чего бы префекту, тоньчжи и чиновникам школы отсутствовать?

Оказалось, дело совсем не в этом.

Префект господин Ван из-за того, что окружной экзамен в Юнпинской управе затянулся, торопился проверить работы до прибытия инспектора по делам образования и забрал всех учителей школы в экзаменационную палату. А Чжан Гуй, отправив двух циньчаев обратно в столицу и навестив Цуй Се, тоже отправился в Храм литературы.

Услышав, как цензор Лю хвалил сочинения Цуй Се, Чжан Гуй невольно задался вопросом: уж не намекал ли тот, что работы Цуй Се достойны первого места в списке?

Чем больше он размышлял, тем отчетливее понимал, что цензор Лю очень высоко оценил ученика, да и Цзиньвэй относились к нему с явным уважением. К тому же Чжан Гуй и сам находил те два сочинения по канонам отменными: слог был зрелым и взвешенным, без тени юношеской гордыни или легкомыслия. Сам ученик показал себя преданным государю, заботящимся о народе и щедрым душой человеком, чьи моральные качества вполне соответствовали познаниям. Он держался с достоинством и сдержанностью, отвечал начальству без угодничества и надменности — сделать его первым в списке окружного

экзамена было вполне заслуженно.

Загоревшись этой мыслью, Чжан Гуй побоялся, что префект Ван посчитает Цуй Се слишком юным и намеренно занижит его место. Поэтому он решил пройти через Врата Дракона и поведал ему о визите двух циньчаев, расследовавших дело о том, как начальник уезда Ци обманом завладел книжной лавкой семьи Цуй.

Префект Ван обеспокоенно спросил:

— Неужто циньчаи признали его виновным и запретили сдавать экзамены?

Чжан Гуй ответил:

— Вовсе нет. Ранее цензор Лю находил его работы на уездном экзамене чересчур хорошими и заподозрил уезд Цяньань в утечке тем и мошенничестве, потому лично устраивал ему проверку. Как мне показалось...

Ван Вэнь в гневе воскликнул:

— Да с чего бы ему мошенничать! Если хорошее сочинение — это сговор, так не выходит ли, что и я на окружном экзамене слил ему темы?! Ладно, можешь не продолжать. Я ни за что не отброшу его работу и не стану намеренно занижать оценку. Это явно уровень одного из лидеров по канонам, ниже быть не может!

С этими словами он уже собрался вернуться в комнату и отыскать работу, но Чжан Гуй поспешно остановил его:

— Господин, вы меня не так поняли! На глазах у двух циньчаев он на память воспроизвел все сочинения за три дня экзаменов — без малейшей запнушки и прекрасным слогом! Господин Лю не скупился на похвалы и назвал его настоящим вундеркиндом. Вот подчиненный и подумал: быть может, стоит поставить эту работу на первое место?

Гнев господина Вана поутих, и он снова напустил на себя важный вид экзаменатора. Легко кашлянув, он проговорил:

— Нельзя же зачислять в шэньюани только потому, что его похвалил цензор. Иначе, узнай об этом люди, не скажут ли они, что я проявляю личную благосклонность? Вот у меня есть работа ученика Ли Цзуншана из Лэтина — написано весьма неплохо, да и возрастом он постарше, держится солиднее. А еще Ван Тин из Луаньчжоу...

Чжан Гуй продолжил отстаивать свое мнение:

— Цуй Се тоже весьма рассудителен! Перед лицом цензора Лю и Цзиньвэй он не проявил ни малейшей робости, спокойно выдержал испытание и без единой ошибки зачитал по памяти все четыре сочинения за три этапа! Разве это не куда ценнее?

Однако префект Ван не желал уступать так просто. Он настоял на том, чтобы сначала отобрать лучших знатоков Пятикнижия, а уже затем сравнить их и решить, кого назначить первым. Чжан Гуй остался ждать прямо у дверей экзаменационной палаты. Ни тот, ни другой так и не вернулись к себе, и они никак не ожидали, что Дай Жэнь прибудет именно в этот момент и окажется вынужден ждать их в опустевшей управе.

Делопроизводитель Сун и остальные служащие не знали о происходившем в Храме

литературы. Им было известно лишь то, что двое циньчаев привели одного испытателя на допрос и даже разделили с ним обед в управе. Когда циньчаи уехали, Чжан Гуй какое-то время беседовал с этим учеником, после чего отправился в экзаменационную палату к префекту господину Вану.

Дай Жэнь, выслушав это, нахмурился:

— Так кто ж его продвигает: цензор Лю или Цзиньивэй? Раз результаты еще не объявляли, отведите-ка меня в учебный храм, я сам гляну.

Ему хотелось увидеть, насколько же влиятельны покровители этого испытателя и каким образом Юнпинская управа собирается зачислить его!

Облекшись в чиновничье облачение и напустив на себя строгий вид главного экзаменатора, Дай Жэнь направился прямо в Храм литературы. В его обязанности вменялся надзор за просвещением во всей провинции Бэйчжили, и он был полон решимости блюсти чистоту учебных нравов. Пусть это был всего лишь окружной экзамен, он ни за что не позволил бы кому-либо, прикрываясь столичным авторитетом, оказывать давление на местных экзаменаторов и продвигать неспособного туншэна!

Войдя в экзаменационную палату, он увидел Чжан Гуя, сидевшего у дверей, а префект Ван вместе с учителями разглядывал работы пяти лучших знатоков Пятикнижия, споря о том, кого поставить во главе списка. Гость явился без предупреждения, и чиновники даже не успели выйти навстречу, не ведая о его прибытии. Ван Вэнь и Чжан Гуй смутились и поспешно поднялись, приветствуя его.

Дай Жэнь взмахнул рукой:

— Оставьте церемонии, идите за мной в палату. Есть ли у вас работа того ученика, которого проверял цензор Лю?

«Вот видите, — подумали они, — разве может Дай Жэнь, сам будучи чиновником надзора, оставить без внимания того, кого оценил цензор Лю?»

Чжан Гуй взглянул на префекта Вана, а Ван Вэнь молча обернулся, вытянул со стола его работу первого этапа по Четверокнижию и подал Дай Жэню:

— Сочинение этого юноши достойно войти в число лучших по канонам. В данный момент подчиненный вместе с экзаменаторами как раз обсуждал, чья работа из пяти направлений превосходит остальные и заслуживает первого места.

Дай Жэнь принял работу и, пробегая глазами титульный лист с именами и чинами трех поколений предков, спросил:

— И как же цензор Лю отозвался об этой работе и о самом ученике?

<http://bllate.org/book/18372/1761331>